

Мимолетное сияние (Марина Мнишек)

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Мимолетное сияние (Марина Мнишек)

Елена Арсеньева

Прекрасные авантюристки

Эти женщины пытались выстроить свою судьбу именно так, как представлялось им в дерзких и... прекрасных мечтах! Не жалея сил, а порой и жизни, стремились они во что бы то ни стало изменить предначертанное им от века, поспорить с волей небес, рискнуть – чтобы победить или... упасть во прах. Цели у них были разные: воинской славы искала Надежда Дурова, сияния царской власти Марина Мнишек, сказочной любви Ольга Жеребцова... Что еще двигало этими женщинами, как высоко удавалось им взлететь, как низко пасть, чего добиться – читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Елена Арсеньева

Мимолетное сияние

(Марина Мнишек)

За дверью громко затопали.

Кучка тряпья, валявшаяся в дальнем углу на перепревшей соломе, пошевелилась. Оказалось, это женщина – такая маленькая и худенькая, что ее можно было принять за девочку-подростка. Волосы ее были спутаны и небрежно заплетены в косу, серые глаза окружены темными тенями. Губы потрескались и воспалились.

Она с усилием отвернулась к стене.

Вошли стражники. Один из них поглядел на засохший, нетронутый ломоть хлеба, валявшийся в углу, и покачал головой. Другой ухмыльнулся.

– Изволь откусать, матушка-царица! Неужто яствой нашею брезгаешь? Ой, не гнушайся! Не то с личика спадешь, румянец поблекнет! – сказал он со сладкой издевкой. – Скоро так иссохнешь, что тебя среди соломы не различишь!

И ну хохотать...

Женщина не шевельнулась.

– Эй, да она не померла ли? – озаботился первый стражник. Он подошел к лежащей и пошевелил носком, словно ворох соломы. – Живая еще! – воскликнул удивленно. – А я уж думал – все! Эй, царица, слышь, скоро ли камору освободишь?

Она молчала. Стражники еще попомонили, но наконец-то ушли.

Женщина медленно повернулась, нашарила рядом с собой глиняную корчагу и глотнула застоявшейся воды. Покосилась на ломоть черствого хлеба, валявшийся в соломе. Это есть она не смогла бы, даже если бы умирала с голоду. Но хоть узница маковой росинки в рот не брала уже который день, голода она не чувствовала. Она не чувствовала вообще ничего: ни горя, ни страха, ни отчаяния.

«Скоро ли освобожу камору? Скоро, недолго ждать. Может, даже завтра!»

Кое-как нашла силы встать, шатаясь, добраться до окошка, взяться за решетку истончившимися, грязными пальцами, похожими на сухие веточки.

Там, за решеткой, было голубое небо – без конца и края, там был вольный ветер и сумятица белых облаков, там пахло сладким березовым духом, парила разогретая солнцем земля... Ах, как жарок, как светел и ясен выдался июнь 1614 года – последнего года жизни русской царицы Марины Мнишек!

* * *

...Когда она смотрелась в зеркало, то совершенно не нравилась себе. И чуть не плакала, когда любимая фрейлина, гофмейстерина, наперсница Барбара Казановская, не раз бормотала жалостливо, щуря яркие карие глаза:

– Ах, моя девочка, нельзя так клевать, как птичка! Дунь ветер – вас и унесет. Надобно кушать побольше, чтобы понабрать тела. Ну ведь ничего, ни-че-го-шеньки нет у вас, моя ясная пани, ни здесь, ни здесь! – Барбара показывала на ее грудь и бедра и сокрушенно качала головой.

Сама она была обладательницей весьма пышных форм и не сомневалась, что лучшая женщина – это женщина в теле! Еще хвала Иисусу, что нынче дамы носят корсеты и пышные юбки, которые способны создать отменную фигуру даже у такой сухороброй хворостины, как Марианна. Кроме того, у нее нос длинноват, губы тонкие. Брови, правда, хороши...

Отец Марианны[1 - Настоящее имя Марины Мнишек – Марианна.], пан Юрий Мнишек, воевода сандомирский, тоже не понимал, хоть убейте, за что его дочку считают признанной чаровницей. За что влюбляются в нее глупые паны шляхтичи и даже стреляют друг в дружку на дуэлях?.. А ведь сам король Сигизмунд недавно предлагал панне Марианне сделаться его любовницей. И эта заносчивая краля отказала!

Конечно, она отказала. Королевская постель ее не влекла. Вот если бы Сигизмунд предложил ей трон! Но король был уже женат...

Отчего-то Марианна с детства верила, что рождена для трона. Ну что ж, ведь родилась, можно сказать, у его подножия. Отец был любимцем прежнего короля, Станислава-Августа, потому что ретиво поставлял ему красоток на ложе. Да и новому сумел угодить, а заодно весьма туго набил кошелек. Породниться с Мнишеком считали за честь многие самые знатные шляхтичи, а потому его

младшая дочь Урсула сделала поистине блестящую партию: вышла за магната Константина Вишневецкого. А вот старшая, Марианна, все еще перебирала женихов! То одному откажет, то другому, словно и впрямь ждет принца-королевича, красавца зачарованного, о которых красно да сладко поют песнопевцы. Но ведь песни и сказки – это одна ложь! Неужто можно верить в чудеса? Пан Мнишек уже стал бояться, как бы привередливая дочка не засиделась в девках.

Постареет, поблекнет – ну куда ее потом девать? Придется отдавать за первого встречного, да еще спасибо скажешь, если кто посватается!

А посватался за Марианну... конюх.

Этот конюх прекрасную панну впервые увидел на псарне. Она приехала выбрать себе щенка из нового помета борзых, и Григорий (так звали этого русского бродягу, беглого монаха, поступившего в услужение к брагинскому кастеляну Адаму Вишневецкому, в гости к которому приехали его брат Константин с тестем, женой и ее сестрицей) потерял голову с одного взгляда.

Чтобы прелестная панна не испачкала в грязи свои крошечные ножки, Григорий бросил в грязь кунтуш, устилая ей путь, а потом забыл одеться – до того ошалел от любви. Очи Марианны словно бы отравили его. С этой минуты он хотел только ее, ее одну.

Погруженный в мечты о недостижимой красоте, он застудился под ноябрьским ветром и студеным дождем, слег в постель и написал в полубреду горячее послание, которое украдкой бросил в окошко панны Марианны.

Уже само по себе удивительно, чтобы какой-то конюх да псарь (этот Гжегош, как кликали его поляки, не гнушался никакой работой) знал грамоту и писал весьма витиеватым слогом. Но то, что он писал, было и вовсе диковинно!

«Поверьте, прекрасная дама: тот несчастный, который до безумия любит вас, дал бы выпустить себе по капле всю кровь, чтобы подтвердить правдивость каждого своего слова. Вы взошли на тусклом небосклоне моей жизни, словно ослепительная звезда, любовь к вам окрылила меня. Благодаря вам я понял: настало время сознаться, открыть свое истинное имя. Довольно влачить жалкий

жребий, навязанный мне убийцей моего отца и гонителем моей матери, пора смело взглянуть в глаза своей Судьбе, принять ее поцелуй – или тот губительный удар, который вновь низвергнет меня, ожившего мертвеца, в царство призраков, откуда я вышел ненадолго, поскольку тень отца моего меня воодушевила.

Знайте, панна Марианна: будь я тем, кем меня привыкли считать окружающие, то есть наемным хлопцем Гжегошем или беглым монахом Григорием Отрепьевым, я предпочел бы умереть от безответной любви к вам, но не осквернить ваш слух своим убожеством. Но обстоятельства моего происхождения позволяют обратиться к вам почти на равных, ибо я есть не кто иной, как младший сын царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, и его жены Марии Нагой. Имя мое Дмитрий Иванович, и если бы сложились обстоятельства в мою пользу, я воссел бы на российский трон и звался бы Дмитрием Первым...»[2 - Автор придерживается той точки зрения, что человек, называемый в официальной русской историографии Лжедмитрием I или Самозванцем, на самом деле был сыном Ивана Грозного и Марьи Нагой. Возможность этого допускал, в частности, Н. Костомаров, который даже приводил ряд доказательств в пользу этой версии (см. его работы «Кто был Лжедмитрий?», «По вопросу о личности первого Самозванца»). В любом случае никто определенно не знает, кем был Димитрий, потому что и Н. Костомаров, и К. Валишевский, и другие историки весьма скептически относятся к отождествлению его с Гришкой Отрепьевым и высказываются, что это могло быть пропагандистским шагом Годунова – с целью скомпрометировать соперника. Точно так же утверждается, что Романовы приложили немало усилий, чтобы уничтожить все свидетельства личности Димитрия Первого, ибо признать его сыном Грозного было абсолютно не в их интересах. Как-никак Филарет Романов, отец царя Михаила Федоровича, был соучастником Василия Шуйского при свержении Самозванца!]

Пронырливому Мнишеку и просвещенным Вишневецким было ведомо, что царевич Дмитрий, сосланный вместе с матерью своей, седьмой женой Грозного Марьей Нагой, в Углич, там и погиб еще в 1591 году, сам себя зарезав по нечаянности ножичком. Однако ходили упорные слухи, что зарезался он вовсе не сам, а Борис Годунов, бывший в ту пору истинным правителем России (даром что на троне сидел венчанный царь Федор Иванович, старший брат Дмитрия!), столь жутким образом обеспечил власть за собой.

Но вот поди ж ты! Царевич живой объявился!

Конечно, измыслить можно всякое. Однако в доказательство Гжегош предъявил крест из чистого золота, весь осыпанный алмазами, с изображением русского двуглавого орла в середине. Но даже не только и не столько этот крест заставил братьев Вишневецких, а потом и пана Мнишека поверить словам Григория, вернее, Дмитрия.

В каждом его слове, в повадке, во всей его натуре сквозило истинно царственное достоинство, даром что был собою хлопец неказист: росту среднего, даже невысокого, лицо круглое, волосы имели рыжеватый оттенок. Правда, очи редкостного темно-голубого цвета напоминали глубокое вечернее небо, и эти очи были самым приятным в его лице. Но сложения молодой человек был крепкого, и руки его отличались необычайной силой. Кроме того, он оказался хорошо образован, знал не только польский, но и латынь, а в удали превосходил многих родовитых шляхтичей. Не было равных ему в верховой езде и в умении стрелять в цель! И язык у него был подвешен чрезвычайно удачно. Во всяком случае, историю своего чудесного спасения из Углича, от подосланных Годуновым убийц, он излагал весьма складно. Право, сам Цицерон не мог быть более красноречивым!

– Царь Борис, посягая завладеть Московским царством, когда умрет его зять, царь Федор, тайно приказал убить меня, – рассказывал Дмитрий, вселяя трепет в сердца слушателей. – Но меня спасли верные люди. Предчувствуя, что у Бориса созреет злодейский замысел, они подменили меня другим ребенком. Меня увезли в боярскую семью, где я и воспитывался до поры до времени; потом, чтобы лучше охранить от Годунова, отправили в один монастырь, в другой; а когда пришел я в возраст, тяжело стало мне в Московской земле, и я ушел в Польшу и теперь принял твердое намерение возвратить с вашей помощью отеческое достояние. Хочу я сего не из честолюбия, а чтобы не торжествовало злодеяние. Многие бояре московские также желают этого, многие знают, что я жив, ожидают меня, ненавидят Бориса и готовы признать меня московским государем!

В самом деле, звучало сие красно и правдоподобно, вот поляки и поверили каждому слову. А те, кто не шибко верил, высказывались так: «Пусть это и неправда, но хорошо придумано!» – и выражали согласие попытать счастья и возвести-таки претендента на московский престол.

Пан Юрий теперь не помнил себя от восхищения. С ума сойти: его дочь, простая шляхтянка, будет замужем за русским царем! Перед этим великолепием меркла

даже блестящая партия, сделанная Урсулой. Выходит, правильно делала Марианна, что отказывала женихам. Дождалась-таки своего часа!

Конечно, упустить такого зятя пан Мнишек никак не хотел. И он, и братья Вишневецкие наизнанку вывернулись, чтобы привлечь на сторону претендента и короля, и сейм, и церковь. Им удалось собрать в Самборе великое множество шляхтичей, привыкших проводить большую часть жизни на коне и в поле; им не привыкать было воевать, а если речь шла о войне с ненавистными москалями – за это многие и сами готовы были приплатить, несмотря на врожденную скупость и наследственную нищету. Однако тут выгорала и большая прибыль, обещанная царевичем Дмитрием. Служба каждого шляхтича, каждого наемника должна быть щедро вознаграждена, а уж какие выгоды получали его ближайшие сподвижники – Мнишеки, Вишневецкие и сам польский король, – от таких посулов Иван Грозный небось в гробу переворачивался, когда слышал, сколь просто сыночек готов расточить отцово достояние. И все это ради дочери сандомирского воеводы!

Но Мнишек понимал: Дмитрий будет тем больше жаждать Марианны, чем дольше она останется для него недоступной. В умении своей дочери удержать поклонника одними взглядами и улыбками Мнишек не сомневался. Ведь это была его дочь! Для нее главное – власть и богатство, а страдание от разбитого сердца – не для Марианны.

Именно поэтому отец красавицы водил царевича за нос как мог долго. Уже Дмитрий во главе польской армии покинул пределы Речи Посполитой. Уже к войску его примкнули русские полки и донские казаки. Уже народ, измученный тяготами Борисова правления, с надеждой обратил свои взоры на царевича, в котором многие с охотой признавали сына Грозного. Уже Дмитрий взял Москву, уже воссел на трон, с которого успел скатиться Бориска... то ли своей смертью он помер, то ли покончил с собой – бог весть, собаке собачья и смерть! Уже вся Россия присягала государю Дмитрию, а между тем Мнишек все еще не выпускал дочь из Польши.

И пан Юрий, и католические священники, которые благословили будущий брак, а также всю эскападу поляков на восток, понимали: Марианна, или, как называют ее русские, Марина, – практически единственное средство держать в руках Дмитрия. Воссев на престол и найдя единомышленников и преданных слуг во многих русских, он вполне может нарушить некоторые свои обещания. Например, насчет передачи Юрию Мнишеку Смоленского и Северского княжеств

в потомственное владение, а также – доходов с близлежащих земель (лично панне Марианне полагался миллион польских злотых и Великий Новгород и Псков со всеми ближними землями и уделами); что касается заключения вечного союза между обоими государствами, свободного въезда иезуитов в Россию, строительства католических церквей, латинских школ и постепенного окатоличивания русских, а также помощи шведскому королю вернуть его престол, что касается... Да мало ли надавал обещаний этот синеглазый царевич в ослеплении любви и жажде власти!

Мнишек рад был бы вовсе не выпускать царскую невесту из Польши до тех пор, пока Дмитрий не выполнит всех своих посулов – и еще в придачу десятка других. Хороший был сделан ход – обручить Марианну с послом, дьяком Афанасием Власьевым, представлявшим московского государя. Теперь Дмитрий не смог бы отказаться от Марианны, даже если сонмы красавиц-москвитянок начнут досаждают ему своей любовью! А слухи такие ходили...

Марианна никогда не выдавала своих чувств. Однако только лучшая ее подруга Барбара Казановская знала, каким ударом было для нее узнать, что жених там, в Москве, взял к себе в постель Ксению Годунову – дочь свергнутого Бориса.

Если в Марианну влюблялись более из-за ее веселого нрава и непонятого очарования, то с Ксенией как раз все было очень понятно. Она была признанной русской красавицей: черные тяжелые косы, великолепные очи, союзные брови, тело, словно вылитое из сливок... Все видевшие ее единодушно утверждали, что не всякому человеку повезет лицезреть подобную совершенную красоту. Но правду говорят: не родись красивой, а родись счастливой! Один жених Ксении, швед Густав, оказался сущим вертопрахом и пьяницей; другой, датский королевич Иоганн, всем удался, да вот беда – помер, едва пожив в России две недельки... И теперь Ксения угодила на ложе губителя своего отца.

Однако очень странные вести доходили до Кракова, где в это время находились Мнишеки. Ксения якобы стала не просто наложницей, а постоянной любовницей Дмитрия! И меж русскими уже ходят слухи, что Ксения Годунова, пусть и дочь ненавистного Бориса, – все же меньшее зло в качестве жены царя, чем полька-еретичка, которая приведет на Русь иноземные свчаи и обычаи, а главное – латинскую веру...

«Пся крев! – испуганно подумал Юрий Мнишек, когда до него дошли сии опасные слухи. – Как бы не промахнуться! Придется-таки дочке ехать в эту

варварскую Московию!»

Однако он все же сделал хорошую мину при плохой игре и отправил неверному зятю разгневанное послание. Нет, Мнишек, как истинный иезуит, достойный ученик учителей своих, не угрожал, не страшил Дмитрия. Однако новому русскому царю сразу стало понятно: отец Марины не просто рассержен. Он в ярости! И если Дмитрий не внемлет предупреждению, Мнишек посчитает, что он нарушает принятые меж ними соглашения, а значит, сам сочтет себя вправе нарушить главное свое слово: отпустить из Польши дочь.

Мнишек сделал верный ход! Одна мысль о том, что он, быть может, больше никогда не увидит Марину, заставляла дыхание Дмитрия пресечься.

Он и сам знал, что в его любви к Марине было нечто роковое, нечто пугающее его самого. Наваждение, может быть, бесовское наваждение, но... Она была его путеводной звездой, смыслом и венцом всех страданий, которые претерпел он в стремлении к престолу. Подобную роковую любовь чувствовал, наверное, Антоний к Клеопатре. Может быть, предвидел, что эта любовь погубит его, но не мог избавиться от нее.

Ксения была в тот же день отправлена в Кирилло-Белозерскую обитель, а там пострижена в монахини под именем Ольга. Такой жертвой Дмитрий дал знать Мнишеку, что по-прежнему ставит свое обручение с Мариной превыше всего на свете!

С другой стороны, теперь и вельможному пану-обманщику некуда было деться. И вот наконец-то в апреле 1606 года, через год после того, как претендент отвоевал наследственный престол и сделался русским царем, из Кракова выехал многочисленный поезд государевой невесты. Свита самого пана воеводы, конная и пешая, состояла из 445 человек и 411 лошадей. В свите Марианны был 251 человек и столько же лошадей. Почти все шляхтичи также имели своих слуг и панков чином поплоче, иной раз их число доходило до полусотни.

При Марианне были ее статс-дамы, Ядвига и Люция Тарло, фрейлина Ванда Хмелевская, несколько знатных девиц, а также гофмейстерина и наперсница Барбара Казановская. Вскорости должны были прибыть жены более мелкой шляхты, которым тоже предстояло поступить в услужение к будущей русской царице.

Были здесь также в большом количестве и священники, и торговцы, и суконщики, и ювелиры, и аптекарь, он же кондитер, пирожник и водочник. Ни много ни мало, а около двух тысяч путников, полных надежд на удачу и наслаждения, хотя и не без опасений за будущее, двигались к цели – к Москве.

А о чем же в это время думала, на что надеялась та, ради которой было предпринято и все это путешествие, и – в немалой степени! – само свержение Бориса, и завоевание Дмитрием российского престола?

Трепетала ли она от нетерпения, предвкушая встречу с человеком, который ради нее свершал подвиги, достойные сказочных героев? Мучилась ли от разлуки – вечной разлуки – с родной землей? Боялась ли того нового и неизведанного, что ожидало ее теперь? Ведь путешествие было опасным: например, при переправе через Днепр на парамах один из них, слишком тяжело нагруженный, перевернулся и утонул, а на нем погибло и пятнадцать человек...

Она находилась в истинном смятении чувств, и впервые непоколебимая уверенность ее в себе пошатнулась.

Главным свойством натуры Марианны Мнишек было глубокое, неискоренимое честолюбие. Она верила, что рождена для великой доли, именно потому свысока относилась к обычному предназначению женщины: стать хорошей женой и доброй матерью. Оказывается, предчувствия ее не обманули! Ей была уготована миссия не только сделаться русской царицей, но и привести к подножию святого Петра[3 - Иносказательное название католической веры.] огромную массу народа, глубоко укоренившегося в православии. И она не сомневалась, что своими чарами сумеет заставить Дмитрия исполнить обещанное!

Ну, скажем так: почти не сомневалась... Ведь пока что Марианна не очень хорошо знала мужчин. Стрелять глазками и поводить плечиками в танце, скакать верхом на охоте, опережая других, веселить остроумной беседой – это одно. А вот сделаться жизненно необходимой мужчине, завладеть всеми его мыслями и чувствами так, чтобы он и помыслить не мог более ни о ком, – это совсем иное! Она умела только мучить мужчин своей красотой и холодностью, но давать им радость она не была научена. И она боялась, что супруг разочаруется в ней и станет искать утешения в других объятиях.

Марианна впервые задумалась о том, что уже совсем скоро, недели через две, будет отпразднована их с Дмитрием свадьба и привычные отношения – пылкие с его стороны и прохладные с ее – должны будут совершенно измениться. Они станут супругами, возлягут на ложе, и Марианна узнает, что такое мужская любовь...

А что, если бог не дал ей того, что непременно должно быть в каждой женщине: умения не только поймать, но и удержать при себе мужчину? Многие скажут, что кокетство и любовная игра хороши только для жениха и невесты, однако Марианна, просвещенная многоопытной фрейлиной Барбарой Казановской, усвоила, что это заблуждение. Те дамы, которые впадают в него, обречены на страдания видеть, как их супруг становится к ним все более равнодушным, а потом начинает искать для развлечения и радости других особ. Они частенько не годятся в подметки его законной жене, однако с ними он чувствует себя гораздо лучше и приятнее.

– Видите ли, моя дорогая, – говорила Барбара, – мужчины – странные создания. Они женятся на невинных скромницах, однако втихомолку желают, чтобы на супружеском ложе те вели себя как истинные блудницы.

Марианна задумчиво качала головой. О, Россия – безумная страна! Здесь принято заточать неугодных жен в монастыри или вовсе уничтожать их. Марианна слышала о бабке Дмитрия, Елене Глинской. Чтобы жениться на ней, великий князь Василий Иванович заточил в монастырь свою прежнюю супругу – Соломонию Сабурову. Марианна совершенно не желала, чтобы ей хотя бы отдаленно грозила такая участь. Она мечтала остаться для мужа единственной! И решила для себя, что, если понадобится, она станет блудницей! Только бы сделаться наконец женой русского царя.

Царя?..

Верила ли она, что в самом деле выходит замуж за истинного сына Грозного?

Размышления на эту тему Марианна таила даже от себя самой, но они вернулись к ней с новой силой, когда, уже прибыв в Москву, она оказалась в Вознесенском монастыре в Кремле. Здесь жила инокиня Марфа, седьмая жена Ивана Грозного, мать Дмитрия.

Именно свидетельство этой женщины оказалось решающим для того, чтобы Россия признала в претенденте истинного царевича. Но подлинно ли мать узнала своего сына через пятнадцать лет? Или просто притворилась – из страха, из желания выбраться наконец из глухого, страшного лесного монастыря, где провела многие годы, из желания обрести почет и уважение, сквитаться со своими обидчиками? Никто этого не знал, кроме инокини Марфы, и Марианна очень хотела повидаться с ней, посмотреть в глаза, отыскать таившуюся в них истину...

Хоть монахини и пытались казаться приветливыми, встречая царскую невесту, это им удавалось плохо.

Инокиня Марфа, бывшая царица Марья Нагая, с трудом скрывала ужас при виде Марины (теперь полячку все называли только так – на русский лад) в ее кринолине – новейшая парижская модель! – и с новомодной прической.

А Марина в монастыре тоже едва сдерживала страх и даже говорила чуть слышно, словно у нее сел голос под гнетом тяжелых бревенчатых стен, так и нависавших со всех сторон. И потолки здесь оказались такие низкие, что человеку ростом повыше выпрямиться было бы невозможно. О, теперь-то Марина вполне понимала матушку Дмитрия. Окажись она на ее месте, она бы, наверное, тоже кого угодно, даже какого-нибудь неведомого проходимца, признала бы сыном, только чтобы вновь вернуться к благополучной жизни в почете! Тем более если бы это признание принесло счастье не только ей, но и целому народу! Ведь в России после смерти Годунова могла воцариться настоящая смута. Дмитрий установил в государстве порядок...

К сожалению, ни мать, ни невеста царя не смогли решиться поговорить откровенно, да и невозможно было сие, а между тем у инокини Марфы было что рассказать и чем разрешить сомнения Марины. Человек, которого она называла сыном своим и Ивана Грозного, истинно был им!

...На другой же день после смерти Грозного все Нагие вместе с Дмитрием были сосланы в Углич – подальше от Москвы. И вот тогда Богдан Яковлевич Бельский, опекун маленького царевича, понял, что Годунов способен на все. Он овладел и душой, и разумом доверчивого, слабого Федора... Но всевластие Годунова простирается лишь до тех пор, пока Федор жив, размышлял Бельский. Не быть

ему спокойну, пока в Угличе подрастает следующий наследник русского трона. Ведь Дмитрий (а вернее, его опекуны) сметет Годунова с пути, когда доберется до власти, и не просто сметет, а оставит от него лишь пятно кровавое. Ну не может, никак не может Годунов допустить, чтобы Дмитрий остался жив!

И предчувствия не обманули Бельского: спустя пять лет Осип Волохов, сын няньки царевича Василисы, а также дьяк Михаил Битяговский с сыном Данилой покусились на жизнь Дмитрия, попытались ему горло перерезать. Это увидел с колокольни церковный сторож и ударил в набат. Народ кинулся во дворец царевича. Все были убеждены, что Дмитрий пал от рук убийц, и забили Битяговских и Волоховых до смерти. В поднявшейся суматохе Афанасий Нагой, брат царицы Марьи Федоровны, унес раненого мальчика и бежал с ним из Углича. Народу отвели глаза, похоронили пустой гроб. Ведь если признаться, что Дмитрий жив, Годунов рано или поздно подошлет новых убийц! Приехали из Москвы расследователи во главе с князем Василием Шуйским. Нагие думали, что тут-то конец их замыслам, однако расследователи даже не пожелали взглянуть на мертвое тело. Немедленно постановили, что царевич страдал падучей болезнью и сам себя зарезал, играя в тычку. За то, что недосмотрели за ним, Нагие после пыток были разосланы по дальним далям, Марья – насильно пострижена под именем Марфа в богом забытом Выксунском монастыре... В ссылку отправились почти все угличане и даже колокол – тот самый, что оповестил народ о свершившемся злодеянии. За то он и пострадал: лишился ушек (точно государев преступник, коему рвут ноздри и режут уши, навечно клеймя позором!) и был отвезен в Сибирь – в Тобольск.

Не более пяти-шести человек знали, что Афанасий Нагой спрятал раненого Дмитрия у бояр Романовых, ненавистников Годунова и родичей первой жены Ивана Грозного, Анастасии Романовны Захарьиной. Но еще меньше народу знало, что в Угличе покушались вовсе не на подлинного Дмитрия! На его месте в Угличе жил Юрий Отрепьев – сын бедных дворян Нелидовых-Отрепьевых.

Подмена была совершена давно – еще по пути в Углич. Именно тогда хитромудрый Бельский решил обезопасить царевича от любых козней Годунова и привез в Углич сына полунищего дворянина. Конечно, Бельский и братья Романовы, Федор да Александр, следили за жизнью юноши, который воспитывался сначала в глуши, у доверенных людей, не знающих, что за птенец подброшен в их гнездо, а потом был помещен в Чудов монастырь, под присмотр настоятеля отца Пафнутия. С его молчаливого одобрения инок Григорий (таково было имя Дмитрия в святом крещении) воспитывался скорее как боярский или

дворянский сын, а не как монах. С его же попуска сей инок однажды исчез из Чудова монастыря вместе с братом Варлаамом, желавшим непременно добраться до святой земли, и вскоре оказался в Южной Руси, а затем и в Польше...

Что касается подменыша, то его после спасения приютили у боярина Александра Никитича Романова, однако Юшка Отрепьев оказался истинным сукиным сыном: поссорившись с хозяином, донес на своего благодетеля: он-де прячет у себя колдовские травы. Этого было достаточно, чтобы Борис Годунов, ненавидевший всех Романовых, которые противились его восхождению на престол, расправился с ними. Юшку постригли в монахи – по странному совпадению, тоже под именем Григория! Он бежал из монастыря и выдавал себя за чудом спасшегося царевича. Отсюда и взялась та путаница вокруг имени Дмитрия, из-за которой многие несведущие люди называли его самозванцем Гришкой Отрепьевым...

Увы, мать и невеста Дмитрия были слишком разными людьми, слишком не доверяли друг другу, чтобы найти общий язык да и хотя бы просто приветливым словом перемолвиться. Довольно было и того, что Марина вообще нашла в себе силы побывать в Вознесенском монастыре! В этом зловещем помещении ее фрейлины впали в глубокое уныние, госпожа Хмелевская плакала, не осушая глаз. В довершение их бедствий нежные желудки паненок очень страдали от грубой монастырской пищи. Правда, через пару дней Дмитрий прислал к своей невесте польских поваров, а также ларчик с драгоценностями, которые она поделила между своими дамами и этим несколько утешила их.

Но вот мучительная неделя истекла, и 7 мая 1606 года состоялась коронация государевой невесты.

Да, все происходило именно в таком порядке: сначала венчание на царство, а потом венчание с царем, и Марина знала, что прежде никому еще, ни одной царице московской не было оказано такой чести, как ей. Ни Софье Палеолог, византийской жене Ивана III, ни Елене Глинской, ради которой великий князь Василий Иванович натворил множество безумств, ни Анастасии, любимейшей жене Ивана Грозного, ни Ирине Годуновой, которой муж ее, Федор Иванович, был необычайно предан, ни Марье Григорьевне Годуновой, жене царя Бориса... Они все были мужние жены – царицы лишь постольку, что стали женами царей. А Марина была венчана на царство независимо от брачного союза. В случае

развода она осталась бы царицей, а если бы Дмитрий умер, она могла бы царствовать без него. Она была миропомазана, она возложила на плечи бармы Мономаха, она прошла через врата, доступные только государям!

А на другой день она венчалась с царем по православному обряду.

Невеста в тот день была одета по-русски, и все оказались потрясены роскошью ее парадного платья. Бархатное, вишневого цвета, с длинными рукавами, оно было столь густо усажено драгоценными камнями, что местами трудно было различить цвет материи. На ногах Марины были сафьяновые сапоги с высокими каблуками, унизанными жемчугом; голова была убрана золотой с камнями повязкой, переплетенной с волосами по польскому образцу. Говорили, что повязка эта стоила семьдесят тысяч рублей – громадная сумма, немыслимая, но Марина уже устала удивляться окружающей ее роскоши.

Ничего подобного никогда, даже в самых смелых своих мечтаниях, даже при получении необыкновенно щедрых и богатых подарков Дмитрия, она прежде не могла даже вообразить.

Но с того мгновения, как невзрачный хлопец бросил ей под ноги свой кунтуш – и сердце! – жизнь ее стала одним непрерывным взлетом. Как же больно будет сорваться! Нет, оборони боже! Однако не шло из головы тягостное предзнаменование: когда отец, воевода сандомирский, въезжал во дворец в великолепной карете, белый конь, который вез его, вдруг пал...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Настоящее имя Марины Мнишек – Марианна.

2

Автор придерживается той точки зрения, что человек, называемый в официальной русской историографии Лжедмитрием I или Самозванцем, на самом деле был сыном Ивана Грозного и Марьи Нагой. Возможность этого допускал, в частности, Н. Костомаров, который даже приводил ряд доказательств в пользу этой версии (см. его работы «Кто был Лжедмитрий?», «По вопросу о личности первого Самозванца»). В любом случае никто определенно не знает, кем был Дмитрий, потому что и Н. Костомаров, и К. Валишевский, и другие историки весьма скептически относятся к отождествлению его с Гришкой Отрепьевым и высказываются, что это могло быть пропагандистским шагом Годунова – с целью скомпрометировать соперника. Точно так же утверждается, что Романовы приложили немало усилий, чтобы уничтожить все свидетельства личности Дмитрия Первого, ибо признать его сыном Грозного было абсолютно не в их интересах. Как-никак Филарет Романов, отец царя Михаила Федоровича, был соучастником Василия Шуйского при свержении Самозванца!

3

Иносказательное название католической веры.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/mimoletnoe-siyanie-marina-mnishek>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)